

В
4-349

А. ЧЕГЛОК

ПО АВСТРАЛИИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

ПЯТКОХОД

ИЗД-ВО ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА МОСКВА-1925-ЛЕНИНГРАД

Пров. 1969

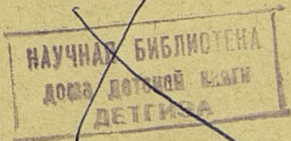
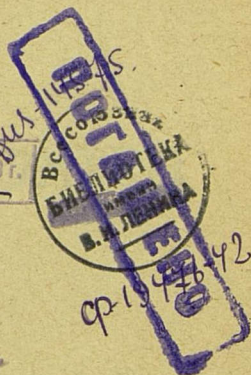
4-349

ПЯТКОХОД

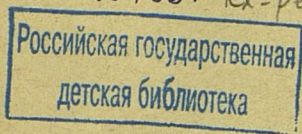

41023

1967-68 г.

664931 Кх-ред.

11166

Главлит 25.883.

Тираж 5.000.

Тип. Изд. МГСПС „Труд и Книга“. В. Якиманка, 32.

— Ах, мистер, вы все-таки решаетесь итти один?—воскликнул Джон, слуга гостиницы.

— Что же мне делать, если вы не могли найти мне проводника,—ответил я.

— Но где же я достану, если вокруг нас на десять или пятнадцать миль кругом вы не сыщете ни одного человека.

— Тогда я, значит, должен итти один!

— Уверяю вас, что это очень и очень опасно. Вы не знаете, что такое наш скруб.

Не дальше, как вчера, к нам добрался один господин еле живой, который два с половиной дня блуждал по скрбу, пока, наконец, не выбрался из него и доплелся до нас!

Жаль, что вы не видели его. Он больше был похож на мертвого, чем на живого человека: глаза белые, губы синие...

Как дошел до постели, так и бухнулся в нее, не раздеваясь, в грязной одежде, в башмаках...

Вчера спал почти целый день не просыпаясь, ночь тоже проспал и теперь еще спит.

Я уже несколько раз ходил смотреть,— не умер ли он!.. Нет, дышит!

Счастье его, что набрел на нашу гостиницу, а то рвали бы его тело теперь динго ¹⁾).

Опасно ходить по нашим скрубам! Зайдете и не выберетесь оттуда. Есть у вас, по крайней мере, компас?

— Да, конечно. Вы напрасно так беспокоитесь за меня. Я человек бывалый, и хотя по вашему скрубу еще не бродил, но потоптал изрядно пески Сахары своими ногами.

— Я вижу, что у вас подходящая одежда, особенно ваши русские сапоги. Славная штука для скруба. В них ноги останутся целы! Через них колючки не пройдут.

— И против колючек и против воды они хорошо защищают,—добавил я.

¹⁾ Динго—австралийские одичалые собаки.

— Да, все у вас очень хорошее: и одежда, и алюминиевые бутылки для воды и термосы... ¹⁾). Одно только жалко, что белые не придумали такого аппарата, который бы мешал им путаться в скрубе.

Черные имеют этот аппарат, только не знаю, где он у них находится: в голове или в пятках? Ни один из них никогда и нигде не заблудится, а ведь дурачье набитое!

А у нас наоборот: чем больше учен, тем скорее собьется с дороги...

— К сожалению, вы правы,— улыбнулся я.— Вместе с жизнью в больших городах и оторванностью от природы, человек теряет не только способность находить дорогу, но и многое другое...

— Вот оттого-то я и боюсь за вас! Уж если наши здешние не могут выбраться из скруба, то вам запутаться в нем еще легче.

— Не беспокойтесь за меня! Я вряд ли в первый день отойду больше, чем 5—6 миль.

¹⁾ Особые стеклянные бутылки—двойные, в которых очень долго может сохраняться как горячее, так и холодное.

— Разве это мало? В скрубе можно заблудиться и на расстоянии одной мили от нашей гостиницы.

Впрочем, вечером, если вы не вернетесь к 6 часам, я начну стрелять из ружья.

— О, вы очень добры,—сказал я, запиная в свой мешок провизию и взваливая его на спину.

— Надеюсь, что я не доставлю вам беспокойства. До свидания!—добавил я и вышел из гостиницы.

Скруб начинался не более, как в полуверсте от гостиницы, я перешел полянку и через пять минут уже был возле него.

Еще в Европе я много читал про эти заросли из низкорослых деревьев и кустарников, занимающих целые десятки верст и представляющих непреодолимые преграды для прохождения через них.

Я знал, что в скрубе погиб не один десяток упрямых смельчаков, желавших пройти через него по прямой линии, а не делать крюк. И большинство из них погибло не от голода или жажды, а от полного истощения

сил в борьбе с упрямой колючей стеной, кругом замыкающей перед ними простор бесплодных мест, на которых не могли расти даже неприхотливые растения скруба.

Под'езжая к западной Австралии, я уже на пароходе решил, что непременно возьму с собой чернокожего проводника, чтобы не только быть уверенным в своем возвращении из скруба, но также и для того, чтобы собирать от дикарей сведения о животных и растениях скруба.

Оказалось, что я приехал слишком поздно для того, чтобы пользоваться услугами дикарей.

В 1914 году их было так мало, что увидеть их возле европейцев оказалось гораздо труднее, чем австралийских зверей.

Вымирание туземцев происходит очень быстро. Даже на так называемых станциях, или, вернее, поселках, в которых австралийское правительство селит туземцев и заботится о них, стараясь приучить их к оседлой жизни,—угасание племени является ответом на эти запоздалые хлопоты.

В западной Австралии я видел туземцев, одетых в пиджаки и крахмальные воротнички. Но на мои расспросы, где же можно найти черных кочевников, мне неизменно отвечали:—там, в скрубе, внутри материка, где мало белых...

А там, где было мало белых, мне говорили, что черных можно найти на станциях, т.-е. в их поселках.

Короче сказать, мне не пришлось ходить с черными проводниками не только в западной, но и в восточной Австралии.

Не лучше обстояло дело и с проводниками из белых. Белые были люди занятые; отрываться от своего дела им было нельзя, да и большинство из них совсем не знало ни жизни скруба, ни лесов.

И вот первая моя прогулка по скрубу должна была быть совершена в одиночестве.

Мне было досадно и неприятно вовсе не из-за страха.

Я за свои скитания по белу-свету привык относиться недоверчиво к людям, кото-

рые хотят вселить страх в других, и много боролся с этим позорным и гадким чувством.

Я узнал, что воображаемый страх хуже действительного.

Все оказывалось не таким страшным, как воображала трусость.

У страха глаза велики,—говорит правдивая русская пословица.

Известно, что как большинству мужиков, так и большинству ученых не знакомо чувство страха.

Мужик спокоен даже перед лицом смерти.

Так же спокоен и ученый, когда совершает дело, сопряженное с опасностью для его жизни.

Ни скрубы, ни пустыни, ни отсутствие воды не устрашали исследователей, задававшихся целью исколесить вдоль и поперек Австралию и изучить ее.

Если один погибал, не доведя до конца свое намерение,—по его следам шел другой, третий...

Настойчивость побеждала ужасный скруб, пустыню, страх, смерть, и в результате поверхность Австралии была исследована.

В Австралии нашли так много интересного, что многочисленные ученые и теперь продолжают заниматься исследованием ее почвы, растительного и животного мира.

Западная Австралия наиболее пустынна.

Здесь не только нет роскошных тропических лесов ее северной части, но даже и эвкалиптовых деревьев здесь очень мало, и они заменяются чахлыми, низкорослыми деревцами и кустарниками скруба.

Западная часть—пустыня, наиболее безводная и бездождная.

Тем не менее, ошибочно было бы заключать, что поэтому в ней мало интересного.

Разнообразие растений в ней гораздо большее, чем в восточной Австралии—более богатой дождями и водой.

Точно так же есть в ней интересные птицы и звери, которые не встречаются в восточной Австралии.

Особенно интересен из зверей так называемый пяткоход, или медвед. Этот зверек немного больше мыши, живет в кустарниках и питается, подобно пчелам, нектаром

цветов, который он высасывает своим длинным языком. Не брезгает он и мухами, бабочками...

Зверек этот попадается людям очень редко: ночной образ жизни и малая величина делают его незаметным, а днем тот же малый рост позволяет ему скрываться между листьями и сучьями от хищников как четвероногих, так и пернатых.

Я, конечно, не рассчитывал, что мне выпадет счастье встретить пяткохода.

Немногие даже из местных охотников видели этого редкого зверька, а мои расспросы о нем устанавливали полную противоречивость их показаний. Одни говорили, что их много, другие — что их очень мало, а большинство даже не знало, что в их местах водятся пяткоходы.

Но если я не имел никакой надежды встретить пяткохода, то все же для меня был интересен скруб и все, что я мог там встретить.

И вот я вступил в него.

Начинался он с низеньких кустиков, стоящих редко друг от друга, какой-то красивой травы, которая раскидывала свои длинные, узкие, как у осоки, листья правильным полушарием.

Вон какие-то странные желтые цветы, вроде султанов, на кусте, напоминающем наш гальник, а вон такие же цветы, только красные, но на кустарнике вроде сосны... Дальше густой куст колючей акации, мимо которого я осторожно ступаю, чтобы пощадить мои сапоги; а вот плешинка... там дальше еще такая же чистая... Кустарник становится гуще, выше; плешины без всякой растительности попадают реже. Я уже несколько раз вытаскивал кинжал и разрубал им сучья, чтобы облегчить себе проход. Здесь весь рост идет не вверх, а в стороны, и поэтому ветки кустарников перекрещиваются между собой у самой земли. Это обстоятельство не дает возможности отогнуть ветки в сторону ни рукой, ни ногой. Борьба с такими препятствиями была бы для меня слишком изнурительна, и поэтому я предпо-

читал обходить, где возможно, такие густые заросли.

Кустарник нигде не достигал еще высоты моего роста, и поэтому мне была видна серая крыша гостиницы.

До самого обеда я с большим удовольствием ломился сквозь чащу сруба.

Правда, животный мир был беден — я не встретил ни одного зверька, да и трудно было бы встретить в такой чаще.

Здесь даже собаки или барана нельзя было бы заметить в двух — трех шагах.

К тому же шум, который я производил треском ломаемых веток, предупреждал всех живущих в нем о приближении двуногого чудовища.

Несколько раз я слышал птичий писк, но сами птицы не взлетали, а предпочитали скрываться в надежной густоте ветвей.

Но если животный мир прятался от меня, то растительный был перед моими глазами, и я с любопытством разглядывал диковинные кусты и травы австралийского скруба.

Я никак не ожидал, что здесь будет так много цветов. И цветов самых странных, самых необыкновенных, как по своему строению, так и по оттенкам.

К одиннадцати часам дня мои ноги устали. С большим трудом мне удалось найти кустарник, который бы хоть немного скрыл меня от полуденного солнца.

Благодаря термосу я с удовольствием поел горячего кулешу из гречневой крупы.

Из другой бутылки напился горячего чая, съел три прекрасных австралийских яблока и со свежими силами после двухчасового отдыха повернул обратно к гостинице.

Она уже давно перестала быть видной, но не потому, чтобы скруб был выше меня, а из-за неровности почвы.

Я торопился притти туда пораньше.

Скруб от меня не уйдет, я еще буду лазить по нем, а тот человек, который блуждал по нем, может уйти, и я не поговорю с ним, а было бы интересно расспросить его, как он блуждал по скрубам.

Эти мысли заставили меня ускорить шаги, и к пяти часам вечера я уже был дома.

На веранде сидел крупный мужчина с одутловатым лицом и воспаленными глазами.

— Добрый вечер, — приветствовал я его.

Добрый вечер, — ответил он, с удивлением разглядывая мою фигуру.

— А, наш натуралист пришел, — воскликнул Джон. — Вы не заблудились (в нашем скрубе, как мистер Вильямс? Это хорошо! Я сейчас вам приготовлю чаю.

— Спасибо, я переоденусь и приду сюда, — ответил я.

Через несколько минут я сидел за столом возле мистера Вильямса и спросил его:

— Как вы чувствуете себя, мистер?

— Благодарю, теперь ничего. Отоспался и отдохнул.

— Но вы еще пробудете здесь денек или два — три, чтобы окончательно поправиться?

— Нет, завтра утром пойду. Я и так потерял много времени в этом проклятом

скрубе,—угрюмо пробормотал мистер Вильямс.

— Не можете ли вы мне рассказать, как вы заблудились? У вас не было компаса?

— Зачем компас, когда в западной Австралии почти никогда не бывает туч и дождя, а солнце жжет, как в аду!

— Да, но компас гораздо правильное и точнее указывает направление.

— Э! Дело не в компасе, а в проклятой виски¹⁾. С ней и с компасом заблудишься.

Пошел-то я хорошо, направление верное взял, только на привале—или меня солнце разморило, или я виски глотнул больше, чем следует—только потом, как начал я колесить, забрался в самую чашу скруба—ни назад, ни вперед,

Выпил я еще немного для храбрости, да от этой храбрости в такой густой куст залез, что рвался, рвался из него, да так и заснул в нем стоя.

Проснулся я ночью, ничего не могу понять—где я и что со мной? Темно, ветки

¹⁾ Водка.

664931

Российская государственная
детская библиотека

колют, тело и ноги трясутся, а динго¹⁾ проклятые так и надрываются от воя — хотят сожрать меня. Выпалил я из револьвера — разбежались они, замолчали.

— Рано хороните, поголодайте еще немного,—сказал я, а сам думаю,—а, пожалуй, и впрямь попаду к ним на закуску. Мостился, мостился я,—наконец, раздвинул ветви и попробовал сесть.

Ноги-то совсем затекли, только и сидеть на ветках не сладко.

Начал я в темноте хоть кусочка чистого места искать, чтобы лечь, как следует.

Вспомнил, что спички со мной были.

Чиркнул одну, другую... нашел небольшое место—все валежником сухим покрыто.

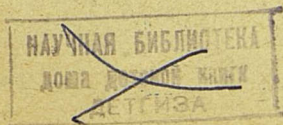
— Э!—думаю,—разведу огонь—веселей будет. Развел большой огонь и заснул.

Проснулся утром, когда светло стало.

Хоть освежил меня сон, а все-таки внутри у меня все горит...

Полез я в сумку, рука по привычке вместо воды бутылку с виски взяла. Швыр-

¹⁾ Одицавшие собаки.

нул я ее в кусты.—Ты, проклятая, все наделала,—смотреть мне тогда сделалось противно на нее.

Глотнул я воды, и так хорошо, приятно мне стало.

Как это я виски вчера глотал вместо воды?

Даже противно подумать о ней стало!

Одна бутылка на погибель меня повела, а пил бы из другой — все хорошо было бы!

Стал я думать, куда же мне идти? Как выбраться из скруба?

Какое направление взять? Вчера шел на северо-восток, пойду и сегодня туда же.

Отрезал ломоть хлеба и пошел. Целый день продирался через скруб. Думал — вот, вот выберусь из него. И чем больше ходил по нему, тем все страшнее становилось.

Провизии нет, вода кончилась, а жажда мучила.

Слышал я, что черные добывают воду из кореньев эвкалиптуса. Вытянут из земли корень, наломают его и поставят в кувшин; с него вода и стекает.

Говорят,—хорошая, вкусная. Попробовал и я дергать коренья—ничего не вышло. Пососал их—горькие, как хина.

Начал срывать листья—жесткие, сухие... Так связали мне рот, что долго закрыть не мог.

Совсем плохо мое дело, устал так, как никогда на самой трудной работе не уставал. Сначала-то не думал о том, что силы беречь нужно, помил напролом, а в скрубе руками приходится больше работать, чем ногами.

Потом большую я ошибку сделал, что не отдыхал за целый день.

Все думал, что вот выберусь на чистое место и там отдохну. Уж очень скруб мне неприятен стал.

Точно лес какой заколдованный: иду, иду, а кругом все заросль да заросль...

И все мне казалось, что я по одним и тем же местам прохожу...

До самого вечера шел и не выбрался на чистое место.

— Э!—думаю,—видно, пропадать мне тут!

Повалился я на землю, да от большой усталости сон меня одолел, и заснул я.

Не знаю, сколько часов я спал, только проснулся я от холода: значит, время к утру подходит.

Развел я огонек, отогрелся. Рассвело.

Что же,—думаю,—пойду опять колесить по скрубу, пока не упаду от усталости.

Пить хочется смертельно, внутри точно огнем жжет, это все от проклятой виски.

Язык распух, губы потрескались...

Вспомнил Европу — там утром росой с листьев можно напиться, а здесь сухо, сухо...

Пошел опять бродить, — последние силы тратить.

Только мало их у меня оставалось. Пройдешь немного и остановишься отдыхать.

Сердце бьется так, как будто на крутую гору всходишь, и голова начинает кружиться.

И это утро я уже ни о чем не мог думать. Пусто было в голове, никаких мыслей.

Раньше жалко было и страшно, что с голоду умру, а теперь и жизнь и смерть одинаковы стали.

Шел куда-то, как во сне.

Куда я шел, сколько времени, не могу ни вспомнить ни сказать. Все у меня как-то спуталось...

Остановился я дыхание перевести. Слышу слева лошадь заржала.

Подумал, подумал я и хотел опять продолжать свой путь, как вдруг она опять заржала. Повернул я влево и очень быстро из скруба вышел.

Увидел гостиницу и пошел к ней.

Если бы вчера нашел ее, то-то бы радость была.

А сегодня нечему радоваться было. Окажись гостиница шагах в ста—двести подалее—лег и не пошел бы в нее.

Даже пятьдесят шагов и то, пожалуй, не в силах был бы сделать.

Теперь мне даже удивительно, откуда у меня столько сил взялось?

Дай мне груды золота и то не согласился бы второй раз так мучиться!

— Но, вероятно, пошли-то вы через скруб не из-за груды золота?—спросил я.

— Конечно! Работы искать на золотых приисках в Кулгарди. Там груды золота добывают, только не во все карманы они попадают; ну, да мне немного нужно. Лишь бы на бутылку виски хватало. Выпьем, что ли, по стакану?

— Позвольте,—возразил я,— Вы только что ругали этот напиток и приписывали ему все свои бедствия, а теперь вновь желаете не только сами пить, но еще и меня напоить...

— Ну, тут не скорбь, не заблудимся. До постели дойдем!

— Но я и в гостинице не хочу доводить себя до такого состояния.

— Только один стаканчик. За мое благополучное возвращение к кабакам и виски!

— Но я повторяю вам, что я не пью!

— Это совсем не хитро. Я вас научу.

— Хорошо, я согласен, только с одним условием. Я выпью виски, а вы должны проплясать русскую пляску!

— Я не умею.

— Вот видите, вы можете отказываться от того, что вы не делали раньше, а для

меня этого не допускаете. А я никогда не пил и никогда не буду пить.

— Понимаю! Предрассудки Европы. Господин натуралист не может водить компанию с простым рабочим,—обиделся на меня мистер Вильямс.

— Нет, это у вас дряхлый предрассудок Европы—создавать дружбу через виски.

Какая дружба в том, чтобы отравлять друг друга, чтобы доводить себя до скотского состояния.

Для меня человек велик своим человеческим достоинством, а уничтожать в нем это высшее достоинство и низводить его до бессмысленного состояния для меня представляется невозможным.

— В Европе пьяниц не меньше, чем здесь.

— Может быть, но я-то не хочу и не буду никогда пьяницей.

— Не хотите, я и без вас обойдусь!

— А я бы и вам не советовал пить! После такого истощения вам следует воздержаться от алкоголя.

— Для возбуждения аппетита перед едой.

— А вы думаете, что набить себе живот потуже—полезно для здоровья?

— Стану я думать о своем здоровье! Жив—ладно, умер—еще лучше! Кому я нужен? Одним кабатчикам!

Я только для баров (лавки, где продают спиртные напитки) и живу: заработал—пропил, а потом опять за работу, чтобы опять пропить.

Одно удовольствие — виски. Какая здесь жизнь? Что мы здесь видим? Скруб один,—махнул безнадежно рукой Вильямс, подошел к буфету и жадно выпил стакан виски.

— Что я вас хочу попросить, не дадите ли вы мне какого-нибудь маленького ножичка?

Вспомнил я, что у меня есть в сумке мышь из скруба. Хотел бы с нее шкурку содрать.

— Отчего же? С удовольствием, — ответил я. — У меня есть скальпели (хирургические ножи) и пинцеты (щипчики).

— Тогда дайте их мне, я попробую снять шкурку с этой мыши.

— А вы умеете снимать?—спросил я.

— То-то, что нет! Слыхал я, что многие снимают шкурки и продают их—вот и мне вздумалось снять. Очень забавным показался мне зверушка.

— Как он называется?

— Не знаю! В первый раз сам вижу! Посмотрите; может быть, узнаете, что за зверь,—сказал мне мистер Вильямс.

— Хорошо, я достану скальпель и приду в вашу комнату,—ответил я.

Пока я доставал скальпели и другие принадлежности для препарирования, Вильямс уже успел вынуть своего зверька и положить его на стол.

С первого же взгляда я узнал, что это был пяткоход, или медоед.

— О, вы достали хорошую добычу! Это редкий зверек. Вы получите за него хорошие деньги.

— Что вы? — удивился Вильямс.

— Да, не сомневаюсь в этом! А если бы вы могли продать его в Европе, то получили бы гораздо больше.

— Ну, сколько же? Сколько? фунта два? (фунт равен 10 рублям).

— Не могу определить вам цены, но предполагаю, что могли бы взять фунтов десять. Зверек этот редкий. Не всякому натуралисту удастся увидеть его.

— Как же мне быть? Я не умею снимать шкурку. Испорчу, пожалуй!

— Я вам сделаю так, как нужно для ученых,—предложил я свои услуги.

Сначала берите чернила и напишите ему паспорт. Записывайте: *Tarsipes rostratus* — это его имя по-латыни.

Убит в Жильгай в Западной Австралии 18 февраля 1914 года, под 120 градусом восточной долготы и 31 градусом южной широты.

Общая длина от конца мордочки, т.-е. от носа до конца хвоста,—17¹/₂ сантиметров.

Длина туловища — 7¹/₂, а хвоста — 10.

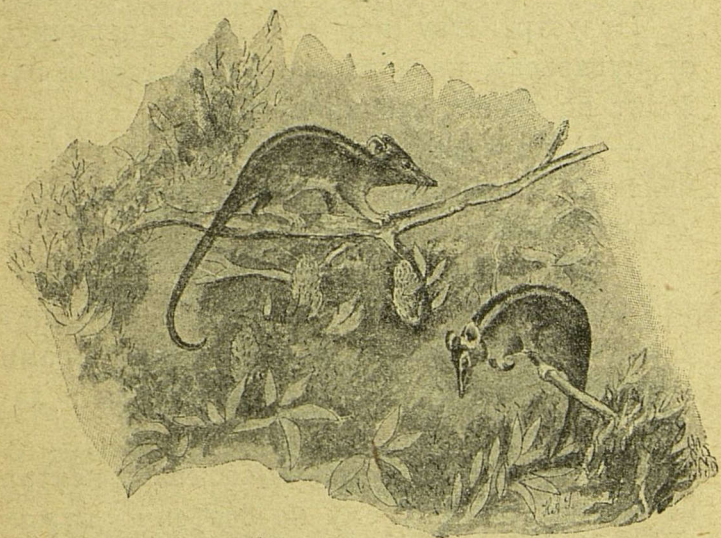
Цвет шерсти — серовато - кирпичный сверху.

По середине спины продольная черная полоса, а по бокам ее две светло-серые, к которым примыкают едва заметные темно-бурые.

Нижняя часть туловища светлая.

Хвост покрыт редкими короткими волосами.

Ноги короткие, тонкие, пятипалые, пальцы хорошо развиты, второй и третий палец задних ног сросшиеся. Большой палец без когтя.

— Это-то зачем писать?—перебил меня мистер Вильямс.—Может, покупатель не заметит.

— Тогда вы обратите внимание на это! Как два сросшихся пальца, так и отсутствие когтя на первом, есть признак медоеда. Его пальцы похожи на обезьяньи, большой палец может отходить в сторону от остальных, как у нас, и таким образом пяткоход обхватывает тонкие ветки, по которым он лазит.

По устройству ног его легко отличить от муравьеда, на которого он несколько походит по своему внешнему виду.

— А по-моему, он похож на нашу европейскую землеройку, только покрупнее ее, — вставил мистер Вильямс.

— Да, он походит на нее своей вытянутой мордочкой. Но вот смотрите, чего нет у землеройки, — сказал я и с этими словами захватил щипчиками язык пяткохода и далеко вытянул его.

— Своим языком он высасывает нектар из цветов, поэтому ему не особенно нужен широкий рот, и вот смотрите, какой он маленький у него.

Теперь запишите, что это самец, так как на животе у него нет сумки для вынашивания детенышей.

Ну вот, паспорт готов. Остается еще прибавить несколько слов о том, что мы найдем у него в желудке и кишках.

Но желудок вскрывается тогда, когда шкурка совсем снята.

А теперь, пока я буду снимать шкурку, вы мне расскажете, как вам удалось поймать этого зверька.

— Это произошло в последний день.

Пробирался я через колючки и наткнулся на гнездо. Ну, думаю, — может быть, яйца найду, будет чем хоть немного горло промочить и подкрепиться.

Гнездо большое и сверху сучьями прикрыто.

Начал я раздергивать его, чтобы увидеть, что в нем есть! Только что принялся за работу, а оттуда такой же зверек выскочил и вдоль ветки побежал.

Отнеожиданности я не успел схватить его.

А немного погодя выбежал и другой.

И его бы я не поймал, да он добежал до первого и обратно к гнезду побежал, потом опять назад...

Тут-то я и схватил его.

Тем временем второй прыгнул на другую ветку, свернулся под нее и, как обезьяна, повис на хвосте, потом качнулся раза два и как прыгнет на другой куст. Я было за ним, да куда же побежишь по колючкам?

А он опять таким же манером перепрыгнул еще дальше и скрылся от меня.

Сначала я подумал, уж не обезьянка ли это?

Да вспомнил, что в Австралии обезьяны не водятся, и морда у нее мышиная.

Посмотрел я во внутренность гнезда.

Хорошо устроено, как у птиц или наших европейских сов: чашка глубокая и мягко устлана травками тонкими.

— Вы взяли это гнездо?

— Нет, зачем оно мне?

— Ах, как это досадно! Ведь и гнездо пяткохода представляет большую ценность для натуралистов.

— Разве я знал? Я его еще нарочно разрушил, думал, что это вредные мыши, — с сокрушением произнес Вильямс.

Через полчаса шкурка была снята, промазана мышьяковистым раствором и набита ватой.

В желудке у пяткохода, кроме нескольких жестких частей от насекомых, ничего не оказалось.

Да, так и должно было быть, — так как пяткоход питается ночью, а днем спит.

В то время, когда Вильямс его поймал, пища уже успела перевариться.

— Вот, — сказал я, подавая Вильямсу готовую шкурку, — ваша добыча. Вы недаром провели в скрубе три дня. Я уверен, что вы можете взять хорошие деньги за нее.

— Пять фунтов, говорите вы, или даже десять? — недоверчиво переспросил меня Вильямс.

— Не могу вам определить точно цены. Самое лучшее, узнайте сначала цену.

— Если даже и пять фунтов дадут, и то хорошо будет!

Благодарю вас за вашу услугу, — сказал он и крепко пожал мне руку.

Я оставался, еще долго в его комнате. Он рассказал мне грустную повесть своей

жизни, разбитые мечты об обогащении и обращение к вину, как к утешению от всех горестей жизни.

Я ушел от него поздно, с глубокой жалостью к нему и тысячам ему подобных, которые прибывают в Австралию с целью наживы и вместо приобретения золота теряют самое дорогое — теряют самих себя.

Так должно быть и так происходит всюду, во всех частях света!

Человек лишь тогда человек, когда он не отрывает себя от мира, а всю жизнь из всего, нас окружающего, из всех поступков своих и чужих, собирает нетленное богатство — богатство знания.

Глубокая народная мудрость русских хорошо это выразила в известной пословице: «век живи, век учись»; а дураком умрешь, — добавляет она, указывая этим на неисчерпаемую глубину тайн мира, который лишь по крупницам открывается человеку.

Тот человек, который закрывает глаза на мир и желает только богатства, создает себе гроб, все равно — деревянный или золо-

той, в который он и ложится при своей жизни.

Как Вильямс, так и ему подобные, искали в Австралии только денег.

Им совсем не интересна эта удивительная страна, которую многие упорно добиваются увидеть, чтобы изучить ее.

Но последние не ищут богатства. Оно само приходит к ним, потому что для этого богатства нужно иметь только открытые глаза и уши, и поэтому они всегда обогащаются. Где бы они ни находились: у себя на родине или в других частях света, они везде и во всем будут находить интерес и стремиться обогатить себя новыми знаниями. Даже тогда, когда внешняя жизнь не станет больше интересоваться их, они могут обратиться к изучению самой большой, самой великой тайны вселенной—к изучению самих себя.

И эта тайна вновь пробудит в них пытливость духа и силу ума, чтобы добыть самое большое богатство всего мира—познание самого себя.

Рано утром ко мне постучался Вильямс.

— Я решил итти сейчас, — сказал он.

— Разве вы уже совсем окрепли? — спросил я.

— Да, теперь ничего! Я могу итти, — ответил он.

— Мне очень жалко, что наше знакомство с вами ограничилось только одним днем.

— И мне тоже. Вот поэтому я и хочу, чтобы вы взяли от меня на память шкурку пяткохода, — сказал он, протягивая ее мне.

Для меня это было так неожиданно, что я невольно взял ее.

Вчера этот человек так радовался надежде получить за нее несколько фунтов, а сегодня отдает ее прохожему, с которым он поговорил несколько часов.

И это делает человек, который ставит своей единственной целью добыть побольше денег.

Он это делает не под влиянием вина, а руководимый бескорыстным желанием сделать другому человеку удовольствие.

Я схватил его за руку и сказал:

— Спасибо, большое вам спасибо за вашу доброту!

6

К

ЦЕНА 15 коп.

100 =

Адрес издательства

Кузнецкий мост, 13. Тел. 4-82-73

Адрес магазина

Никольская, 12. Тел. 82-33

Центральный книжный склад

Лубянский пассаж, пом. 25—30

Тел. 3-45-04

29 июля 1942